

Статья протоирея Андрея Близнюка

(по материалам журнала «Фома»)

Дети верующих родителей часто задают своим мамам и папам вопросы о вере. Но далеко не всегда родители правильно на такие вопросы реагируют — причем речь не только о содержании их ответов, но и вообще об отношении к подобным вопросам.

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ РОДИТЕЛЕЙ И СПОСОБЫ ИХ ИЗБЕЖАТЬ:

Нехватка времени на ответы, недооценка важности вопросов

Это касается не только ответов на вопросы о вере — современным родителям вообще катастрофически не хватает времени на общение с детьми. Есть социологические исследования, согласно которым современный родитель общается с ребенком примерно десять минут в день, причем большая часть этого времени тратится не на разговоры по душам, а на повседневную рутину: «покажи дневник», «почисти зубы», «уроки сделал?». Поэтому детям приходится искать ответы на свои вопросы у посторонних людей, которые могут не обладать педагогическими навыками, не иметь подлинных знаний и даже не всегда желать нашим детям добра. И не стоит тешить себя иллюзиями, будто достаточно раз в неделю поговорить с ребенком, прочитать ему нотацию и рассказать, что такое хорошо и что такое плохо. Нет, недостаточно! Ребенок нуждается в каждодневном внимании к нему и в каждодневном ответе на его вопросы.

Увы, на практике бывает иначе. Родители говорят: «Потом скажу», «Ты еще мал, не поймешь», «Спроси об этом на исповеди у духовника». И вот приходит ребенок на исповедь, а там стоит 70 исповедников и батюшка перед причастием вышел из алтаря поисповедовать. Естественно, он не ответит — ему некогда.

Вот потому и бывает, что даже в верующих, воцерковленных семьях вырастают дети, которые, уже закончив школу, понятия не имеют о воскресении мертвых и жизни будущего века, а знают только о загробной жизни души. Или, например,

ребенок-пятиклассник из очень церковной семьи задает вопрос: «А где находятся кости Иисуса Христа?» Или дети не знают, что вообще значит имя Иисус. Таких примеров я могу привести множество. А причина — родители не беседуют с детьми на духовные темы.

Между тем родителям нужно с самого начала понимать, что детские вопросы — любые, не только о вере! — это очень серьезно, очень важно, отвечать на них совершенно необходимо. Нет времени? Значит, надо что-то изменить в своем жизненном распорядке, выкроить это время.

Более того: к ответам на детские вопросы нужно очень серьезно готовиться. Лучше всего даже делать это заранее — пообщаться с другими родителями, с духовником, почитать православные ресурсы, посвященные этой теме — например, интернет-журнал «Батя», который, кстати, могу рекомендовать одиноким матерям, воспитывающим сыновей. Ведь такой маме трудно бывает отвечать на мужские вопросы, тут уж приходится привлекать взрослых мужчин — будь это духовник, школьный учитель, родственник. Но и самой нужно знать, что отвечать мальчику, чтобы он развивал свою мужественность.

Но может быть и так, что вы услышали от ребенка вопрос, на который затрудняетесь ответить сходу. В таком случае надо честно сказать: «Я сейчас ответить не смогу, но я подумаю, поищу ответ и обязательно тебе скажу». Естественно, обещание свое надо сдержать, причем сделать это как можно быстрее. Если вернуться к разговору через полгода, у ребенка уже отложится в сознании, что он спросил и ему не ответили.

И, конечно, нельзя все детские вопросы о вере спихивать на духовника или на учителя в православной школе. Делая это, вы тем самым демонстрируете ребенку, что духовная сфера вам чужда, что христианское вероучение вы не знаете, что ваша принадлежность к Церкви чисто внешняя, формальная. Постоянно отмахиваться «спроси у духовника» — значит, внушить ребенку уверенность, что вам ответить нечего.

Но бывают, конечно, такие вопросы, когда ребенку можно сказать: спроси об этом **еще и** у духовника. Мнение духовника — это очень важно, и надо, чтобы в семье знали, что ребенок спросил и что ему ответили. Поэтому я, как духовник, стараюсь делиться с родителями детскими вопросами. Чтобы дети задавали серьезные вопросы, я на своих уроках отвожу специальное время. Включаю музыку и терпеливо жду. Такие вопросы мне позволяют построить интересный урок. А чтобы их лучше запомнить, я завел в классе ящичек, куда дети кладут записки с вопросами. Они, конечно, и устно спрашивают, но мне важно, чтобы

вопросы остались зафиксированными. Я изучаю динамику вопросов за последние годы, обнаруживаю некоторые тенденции, рассказываю об этом родителям наших учеников.

Возмущение неподобающей формой вопроса

Это тоже случается довольно часто: ребенок задает вопрос, облекая его в такие слова, которые родителям кажутся недостаточно благочестивыми или какими-то чересчур наивными, если не сказать идиотскими. Например: «а в раю будет гигантская клубника?», «а можно ли покрестить нашу кошку?», «а у Иисуса Христа была жена?» и так далее. «Да как ты смеешь такое произносить?!», «Да как у тебя язык повернулся такое сказать?!» — негодуют родители. А в результате у ребенка возникает недоверие к ним, он боится их спрашивать, чтобы не нарваться на упреки.

Доверительные отношения с ребенком — это самое главное, что родители должны беречь, возвращать и развивать. Ребенок должен всегда знать, что о чем бы он ни спросил, его не опозорят, а поддержат.

Отказ отвечать на вопросы, продиктованные праздным любопытством

Иногда родители чувствуют, что ребенок, задавая свой вопрос, не очень-то заинтересован в ответе, спрашивает «просто так» — и поэтому отказываются отвечать. Может быть, отказываются в корректной форме, без упреков, может быть, как-то отшучиваются — но так или иначе не поддерживают разговор.

Между тем это серьезная педагогическая ошибка. Даже если вопрос вызван пустым любопытством — все равно для родителей это сигнал, что ребенок испытывает дефицит общения. Вцепившись в родителей, видя их глаза, он начинает спрашивать просто что в голову придет. Но такие «праздные вопросы» могут быть лишь прелюдией к настоящему разговору. Такими вопросами ребенок, возможно, проверяет вас: а вы вообще его слышите? И если мы отфутболим его с «пустым» вопросом, он не задаст и тот настоящий, волнующий его вопрос, который по каким-то причинам сразу задать не может: стесняется, боится. Поэтому

родители должны отвечать даже и на пустой вопрос, размышляя при этом, а что будет дальше? Куда повернется разговор?

Приведу пример из одной книги. Ребенок увидел в подъезде кошку, захотел ее погладить, а папа против:

— Не гладь, у нее блохи!

— А откуда у нее блохи? — спрашивает ребенок.

— От другой кошки.

— А у нее откуда?

И папа терпеливо объясняет:

— Та кошка заразилась от кошки из другого подъезда, и так до бесконечности!

И тут ребенок говорит:

— Папа, а ведь бесконечными могут быть только цифры!

И папа понимает, что ребенок-то у него философ! Кошка — лишь повод к разговору, ребенку интересна жизнь, ребенок уже знает, что есть бесконечность цифр, но нет бесконечности кошек.

Детские психологи говорят, что самые интересные, самые глубокие вопросы дети задают в возрасте до 13 лет. А после взрослые «отфутболивания» и общественные стереотипы приземляют ребенка, гасят в нем философские интересы. Ребенок становится «как все» — не высовывается, боится насмешек, оберегает границы своего личностного пространства. Вот поэтому маленьким детям нужно отвечать на их даже самые странные вопросы. А вопросы эти, при всей внешней наивности, могут оказаться невероятно глубокими.

Приведу примеры из своей семейной жизни. Когда одной из моих дочерей было пять лет, она осознала, что все люди смертны, что это неизбежно — и заплакала. Я стал ее утешать, рассказал о Царствии Небесном, о Боге и вечной жизни. Она успокоилась немножко, и потом,

уже засыпая, сказала: «Папа, я по тебе скучать буду, когда ты умрешь!» Я вновь начал ее утешать, а она вдруг и спрашивает: «Папа, а ты меня узнаешь в раю?»

Этот детский вопрос на самом деле невероятно глубокий и духовный. Ведь тут, в земной жизни, человек зачастую видит лишь внешнее, а то, что хранится внутри, то есть души даже близких людей, для него закрыты, и потому уже там, за пределами земного бытия, он эти души просто не узнает, пройдет мимо, они так и останутся для него неразгаданной тайной. Узнают друг друга лишь те, кто еще при жизни срослись душами, сроднились. Пятилетний ребенок еще не может, конечно, выразить это по-взрослому, но он вполне способен это чувствовать.

Другой пример, с другой дочкой. Ей тогда, кажется, еще четырех лет не было — и перед сном она спрашивает: «Папа, а у меня в животике есть маленький?» Я опешил, отвечаю: «Да что ты, доченька, спи давай!» А она, не удовлетворившись моим ответом, спрашивает: «Ну, может, как зернышко?» Я как-то растерялся: ну не рассказывать же такой малышке о детородной системе! Пробормотал что-то вроде «Ну, потом поговорим...» А она как-то так вздохнула: «Жаль... Я бы Тёмой назвала».

И вот тут понимаешь, что просто не готов к такому разговору, не готов к тому, что ребенок уже в таком возрасте может так глубоко думать и чувствовать, что в нем уже пробуждается материнство, и ему нельзя уже просто сказать «Вырастешь — расскажу», надо заранее готовить ответы.

Одноразовый ответ

Когда ребенок спросил и вы ответили — это еще не значит, что тема закрыта. Ребенок получил ответ от вас — но это только начало разговора. Важно, чтобы на этот же вопрос он получил ответ и от других людей. Если ребенок задал вопрос маме — ей нужно потом обязательно рассказать об этом папе: вот, мол, он это спросил, а я так ему ответила. Очень хорошо, если папа подойдет к ребенку и скажет: «Знаешь, мама рассказала мне, какой вопрос ты ей задал. Это очень хорошо, что ты так глубоко мыслишь! А я со своей стороны мог бы ответить тебе так...»

То есть важно, чтобы у ребенка было объемное восприятие мира, а не плоское, однообразное. Ведь мужчины и женщины немножко по-разному мыслят, и рассказывать будут по-разному, а в результате получится стереоэффект.

Кроме того, даже если кроме вас на этот вопрос ребенку никто отвечать не будет, хорошо бы спустя какое-то время, когда ребенок станет постарше, к этому разговору вернуться, показать ему какие-то другие грани проблемы, которые ранее могли быть ему недоступны. Это, конечно, в первую очередь касается мировоззренческих или богословских вопросов вроде «откуда в мире столько зла?», «почему в Библии ничего не сказано про динозавров?», «почему Бог не мешает злым людям обижать добрых людей?» и так далее. Такие вопросы никогда нельзя исчерпать полностью, чем старше становится ребенок, тем более глубокий ответ он способен воспринять.

Ну и, конечно, если родители ответили сходу — и чувствуют, что не очень разбираются в этой теме, что их ответ был слишком приблизительным, им нужно глубже в это вникнуть, почитать какую-то литературу, спросить у знающих людей — и как можно скорее поговорить об этом с ребенком вновь, дополнить свой ответ.

Переоценка своих познаний

Бывает, однако же, и так, что родители непоколебимо уверены, что уж они-то все о Православии знают и на любой вопрос могут ответить безошибочно. Отвечают детям сходу — и отвечают неправильно, их ответы не соответствуют церковной традиции. Отвечают, основываясь на каких-то стереотипах, бытующих в околоцерковной среде, на каких-то слухах, бездумно повторяют чьи-то слова.

Особенно часто это бывает с вопросами церковной жизни, стоящими сейчас особенно остро, будоражащими общественное сознание. Например, что считать ересью? Ересь ли экуменизм? И родители, которые борются с этой ересью на просторах интернета, соответствующе и отвечают своим детям, не доверяясь мнению священников.

Между тем очень важно, чтобы ребенок понимал: у него есть семья, но есть и храм, есть и духовник, есть и приходская община, и не надо замыкаться (в том числе и со своими вопросами) только в границах семьи. Естественно, я имею в виду ситуацию, когда внимательный духовник, здоровая община (а таких все больше).

Если же родители замыкают ребенка на себя, то когда он вырастает, когда ему исполняется 14-15 лет, когда родительский авторитет падает — он остается со своими вопросами один на один. Родителей он уже не спрашивает — не доверяет, а больше рядом никого нет.

